

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

Р.М. НУРЕЕВ,

А.Б. РУНОВ

Назад к частной собственности или вперед к частной собственности?

Чем дальше Россия не может выбраться из трансформационного спада, тем больше внимание исследователей обращается к последствиям приватизации. И чем больше появляется публикаций по проблемам приватизации, тем острее идут дискуссии: насколько она была адекватна российской действительности? Что необходимо, чтобы в России появилась эффективная частная собственность? Какие "правила игры" должны быть созданы? Такие вопросы все чаще и чаще возникают в зарубежной и отечественной литературе [Olson, 1993; Радыгин, Сидоров, 2000; Капелюшников, 2001]. Может быть, необходимо вернуться назад, осуществив деприватизацию отдельных предприятий, подотраслей, отраслей или даже целых секторов экономики [Куликов, 1998; Львов, 2001]? И действительно, что же нужно сделать, чтобы, наконец, заработал механизм частной собственности, без которого настоящий рынок существовать не может? По-прежнему стоят традиционные российские вопросы - "кто виноват?" и "что делать?"

Приватизация или "прихватизация"?

Сегодня все более и более очевидно, что приватизация в России стала закономерным результатом упадка командной экономики советского типа. Не секрет, что хозяйственный механизм СССР развивался в этом направлении задолго до приватизационной кампании 1992-1995 годов.

Если в период зенита советской административно-командной системы (1930-1940 годы) права собственности полностью концентрировались в руках высшего партийного и хозяйственного руководства, то затем они все более и более "стекали вниз", переходя в руки экономических агентов низшего уровня. Уже хозяйственная реформа 1957 года заметно подорвала позиции центральной власти на местах и повысила экономическую роль регионов. Совнархозы стали важным шагом на пути к созданию и укреплению региональной элиты. И хотя экономическая реформа 1965 года вновь вернула народное хозяйство к отраслевому принципу управления и подчинила регионы отраслевым министерствам, сами они заметно изменились: наряду с всесоюзными возникли союзно-республиканские и республиканские.

Еще больше реформа 1965 года сказалась на микроуровне. Экономические новации тех лет — перевод предприятий на хозрасчет, на частичную самоокупаемость, самофинансирование — стали попытками эволюционного изменения системы прав

Н у р е е в Рустем Махмутович - доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Государственного университета - Высшей школы экономики (ГУ-ВШЭ).

Р у н о в Антон Борисович - аспирант ГУ-ВШЭ

Эволюция хозяйственного механизма СССР и России

Периоды	Ключевые события	Основные экономические агенты
Начало 1940-х - конец 1950-х годов: "экономика государства"	Реформа управления 1940-1941 годов	Наркоматы в составе Совета народных комиссаров
Конец 1950-х - середина 1960-х годов: "экономика регионов"	Хозяйственная реформа 1957 года	Экономические районы, совнархозы
Середина 1960-х - середина 1970-х годов: "экономика отраслей"	Экономическая реформа 1965 года	Отраслевые министерства
Середина 1970-х - середина 1980-х годов: "экономика под-отраслей"	Реформа управления промышленностью 1973 и 1979 годов	Главные управления министерств, всесоюзные промышленные объединения
Середина 1980-х - 1992 год: "экономика крупных предприятий"	Перестройка: 1985-1990 годы	Крупные предприятия, объединения
1992-1993 годы: "экономика малых предприятий"	Приватизация 1991 года	Предприятия; малые предприятия, выделившиеся из крупных
1993-1995 годы: "экономика физических лиц"	Чековая, послечековая приватизация	Руководители предприятий, их подразделений, физические лица

собственности в промышленности в условиях, когда решающая часть фактических правомочий оставалась на верхних и средних этажах управления. Именно в это время советские предприятия впервые после нэпа почувствовали вкус рыночной экономики, стремились всеми правдами и неправдами избавиться от нерентабельной продукции, увеличить свою прибыль, развязав ползучую инфляцию за счет изменения ассортимента (включая псевдоассортиментные сдвиги, когда изменялись лишь название и цена продукта, но не его качество). Это противоречие между плановой и товарной природой предприятий безрезультатно пытались снять реформы 1970-х и первой половины 1980-х годов. Впрочем, о безрезультатности в полной мере говорить не приходится, так как постепенно основным экономическим агентом становились фактически уже не министерства, а объединения и крупные предприятия (см. табл. 1).

В этом контексте перестройка становится отнюдь не случайным явлением, а закономерным результатом борьбы частного и государственного начал предприятий. "Относительная экономическая обособленность" оказывалась все менее относительной, и приватизация первой половины 1990-х годов попыталась превратить ее в абсолютную. Однако для того чтобы ответить, в какой мере это удалось, необходимо посмотреть на социальных акторов драмы приватизации командной экономики.

Чтобы понять, в каком направлении развивались процессы приватизации, достаточно вспомнить двойственность положения советской номенклатуры, которая восходит к институту власти-собственности, возникшему еще в пбрах так называемого азиатского способа производства [Нуреев, 1990; 1993]. Поскольку данный

Двойной дуализм советской экономики

	Командная экономика (редистрибутивный продуктообмен)	Рыночная экономика (рыночный товарообмен)
Легальная экономика	Плановое хозяйство	Колхозные рынки
Нелегальная экономика	"Клановый социализм" - "Бюрократический рынок"	Неформальный сектор

институт подробно уже был охарактеризован нами в [Nureev, Runov, 2001], подчеркнем здесь лишь два момента.

Во-первых, двойственность власти-собственности заключалась не только в том, что представители советской номенклатуры были одновременно и подчиненными, и начальниками. В отличие от обыкновенной иерархической структуры для них была характерна нерасчлененность функций: партийной и государственной, законодательной и исполнительной, административной и судебной, а нередко - гражданской и военной. Следствием этого была особая роль партийно-хозяйственной номенклатуры различных уровней в социальной стратификации советского общества. Во-вторых, из вышесказанного не стоит делать вывод, что командная экономика охватывала все общество и происходила лишь ее эволюция. На протяжении всей истории СССР сохранялся известный дуализм плановой и рыночной экономики, с одной стороны, и легальной и нелегальной экономики - с другой (см. табл. 2).

Фактически на "высшей и последней стадии социализма" [Найшуль, 1991] была уже представлена частногосударственная (номенклатурная) собственность во всей ее красе, так как реально ее объектами распоряжалась отраслевая и региональная элита, тесно связанная с криминальным миром [Экономические... 2001]. Эта двойственность плановой/товарной форм хозяйствования, легальной/нелегальной экономики и предопределила развитие приватизации. С известной долей условности можно выделить три основных этапа изменения системы прав собственности в постсоветской России (ср. [Гайдар, 1995; Приватизация... 1999]).

Этап 1 - номенклатурная приватизация (1987-1991). Фактическое растаскивание государственной собственности происходило еще в рамках советской институциональной системы власти-собственности. На первом этапе за основу рынка номенклатура пыталась взять старый "бюрократический рынок", где позиция участника определялась положением в социальной иерархии, своеобразным административным весом [Кордонский, 2000]. На всех уровнях приходящей в упадок централизованной системы номенклатура училась извлекать из своего положения не только косвенные, но и прямые денежные доходы. При этом происходил переход от совокупной государственной собственности (которой владела номенклатура как целое) к индивидуальной государственной собственности отдельных представителей номенклатуры. Одновременно шла своеобразная "мультипликация номенклатур на постсоветском пространстве" [Пешков, 1995, с. 37].

Разгосударствление приобрело вид спонтанной приватизации в форме передачи имущества отдельным предприятиям (а реально их директорам) на основе права полного хозяйственного видения. В результате директора фактически получили право бесконтрольно управлять финансовыми потоками предприятий, в том числе самостоятельно принимать решения о направлениях использования прибыли. Отпала необходимость согласовывать свои решения с формальным собственником имущества (за исключением вопросов, связанных с распоряжением недвижимым имуществом). Ключ-

чевым моментом стало то, что широкими *правами* руководители государственных предприятий были наделены вне всякой связи с *ответственностью* за результаты деятельности. С ослаблением и последующим фактическим разрушением централизованной партийно-хозяйственной вертикали управления (выполнявшей функции, как сейчас принято говорить, системы инфорсmenta) общеноменклатурная собственность все больше начала превращаться в частнобюрократическую. На ранних этапах особое место в этом процессе занимало так называемое кооперативное движение¹, позднее стали развиваться арендные предприятия².

Следует добавить, что «создание кооперативов при госпредприятиях - с одним и тем же менеджментом - явилось одной из ключевых форм "спонтанной" приватизации» [Радыгин, 1994, с. 27]. Она осуществлялась в виде перекачки денежных средств, игры на "ножницах цен", передачи имущества на основе права полного хозяйственного ведения, внесения паев из средств (активов) предприятий и др. Любопытно отметить также тот факт, что нередко имело место включение выполненных кооперативами работ в государственный план предприятия-учредителя.

Другая черта трансформации властно-собственнических отношений в рамках самих кооперативов проявилась в их организационно-правовой структуре. Так, большая часть кооперативов действовала как индивидуальное (семейное) частное предприятие с жесткой системой управления, номинальной ролью собрания членов кооператива и широким применением наемного труда в лице совместителей. Более крупные кооперативы, несмотря на свою *de jure* организационно-правовую форму, тяготели к коллективным формам, близким к закрытому акционерному обществу или обществу (товариществу) с ограниченной ответственностью.

Однако по мере развития кооперативов стала видна и их явная неспособность удовлетворить потребности фактических собственников в новой институциональной структуре производства. Во-первых, данная форма организации бизнеса эволюционно неустойчива для промышленности. Именно эта тенденция обусловила спад в развитии кооперативного сектора. Большинство созданных кооперативов были тогда преобразованы в организационно-правовые формы, более адекватные сложившимся *de facto* властно-собственническим отношениям. Во-вторых, кооперативная форма не позволяла легализовать крупные состояния и целиком формализовать свои правомочия на крупные промышленные предприятия и объединения, защитив собственность от возможной экспроприации (со стороны государства или трудовых коллективов) по мере развития бизнеса.

Для высшего слоя номенклатуры требовалось изобрести какие-то иные организационно-правовые инновации (помимо создания кооперативов). Отметим, что обладателем фактических правомочий высшего порядка была, несомненно, высшая республиканская и региональная номенклатура. Она и стала той группой давления на высшем уровне, которая предъявила спрос на массовую и масштабную легальную приватизацию как таковую (вдохновляя последовавшие за ней залоговые аукционы).

Таким образом, становится очевидным: чтобы анализировать приватизацию, нужно исследовать ее не только как процесс последовательного (а в российском случае

¹ В подавляющем большинстве (более 80%) кооперативы были образованы при государственных предприятиях, а число занятых в таких кооперативах превышало 90% занятых в кооперативном секторе. Причин "аффилированное™" к государственным предприятиям можно выделить несколько. Во-первых, это жесткое административное (через местные власти) давление госпредприятий в тех случаях, когда кооперативы подрывали монополию госсектора. Во-вторых, монополия госсектора на материально-сырьевые ресурсы, невозможность без содействия заинтересованного предприятия получить помещение в аренду и т.д.

² Законодательство, направленное на легализацию частной собственности, в то время развивалось очень медленно, было фрагментарно и не успевало за реальными процессами. Исторические этапы его становления и 1985-1990 годы таковы: Закон СССР "Об индивидуальной трудовой деятельности" (19Х6), Закон СССР "О государственном предприятии (объединении)" (1987), Закон СССР "О кооперации" (19Х8), Закон СССР "О собственности в СССР" (1990) и др.

крайне непоследовательного и фрагментарного) принятия "декретов", провозглашающих плюрализм форм собственности, массовую приватизацию, неприкосновенность частной собственности и т.п. Изменение собственности - скорее, процесс перераспределения фактических правомочий от одних субъектов к другим и создание механизмов реализации и гарантий полученных правомочий. Реальные отношения собственности отражают волевые отношения между агентами производства, сложившиеся под действием экономических факторов в данный исторический период [Шкредов, 1973].

В результате первого этапа приватизации возникает своеобразная частно-государственная (номенклатурная) собственность, которую можно трактовать как форму проявления власти-собственности в период ослабления "деспотического" государства. В стране появляется своеобразное здание номенклатурно-государственного капитализма [Гайдар, 1995, с. 152].

Этап 2 - попытка создания системы частной собственности (1992-1996). Пытаясь создать частную собственность не только по форме, но и по существу, администрация Б. Ельцина решила сделать процесс приватизации формальным и массовым. Тем самым была предпринята попытка остановить бесконтрольное усиление экономической власти бывшей партийно-хозяйственной номенклатуры и создать институциональные предпосылки для развития рыночной мотивации у производителей. В соответствии с программой приватизации, принятой в конце 1992 года, любой желающий, имеющий достаточный капитал, мог приобрести государственное имущество. Главная цель данного этапа, по мнению организаторов, состояла в создании институциональных условий для становления и развития системы частной собственности по образцу западных демократий. Приватизация здесь рассматривалась как средство, необходимое и достаточное для подкрепления либеральных реформ и стабилизационных мер. Импорт западных институтов прикрывал российское (полу-восточное) содержание.

В приватизации не менее других были заинтересованы теневые владельцы номенклатурно-государственного капитала ("новые старые собственники"). Ведь в условиях размытости старой и неупорядоченности новой системы прав собственности над ними постоянно витала угроза экспроприации приобретенной собственности. Из потенциальной она легко могла превратиться в реальную по мере ослабления их связи с федеральным или региональным руководством³. Начало положила массовая ваучерная приватизация. За чековым этапом последовал этап залоговых аукционов и инвестиционных конкурсов. 1996 год ознаменовал начало денежного этапа, и, хотя он продолжается и поныне, пик приватизации приходится на 1993-1994 годы (см. рис. 1).

К началу 2001 года на долю государственной собственности приходилось только 42% основных фондов в экономике (по сравнению с 91% в 1991 году), в частной собственности находилось более 80% от общего числа предприятий. Приватизация государственной и муниципальной собственности затронула все без исключения отрасли экономики. В результате не только в общем числе предприятий, но и в общем объеме производства и численности работников государственная собственность стала занимать подчиненное место (см. рис. 2).

Большинство населения негативно относилось к крупным новоявленным частным собственникам, видя в них не трудолюбивых производителей, честно наживших свои огромные состояния, а алчных хищников, отнявших собственность у ослабевшего государства или награбивших ее у соотечественников. Негативный имидж "новых русских" устойчиво воспроизводится, что подтверждают многочисленные социологические опросы [Радаев, 1998; Олейник, 2001]. Такое представление отнюдь не лишено оснований. Дело в том, что снятие административных ограничений сделало явным то

³ Яркими примерами могут служить судьбы крупного предпринимателя и бывшего кандидата в мэры Нижнего Новгорода А. Климентьева (1997 год), Б. Березовского (2000 год) и др. При этом понятно, что найти множество легальных, в том числе криминальных, поводов для экспроприации не составляет большого труда.

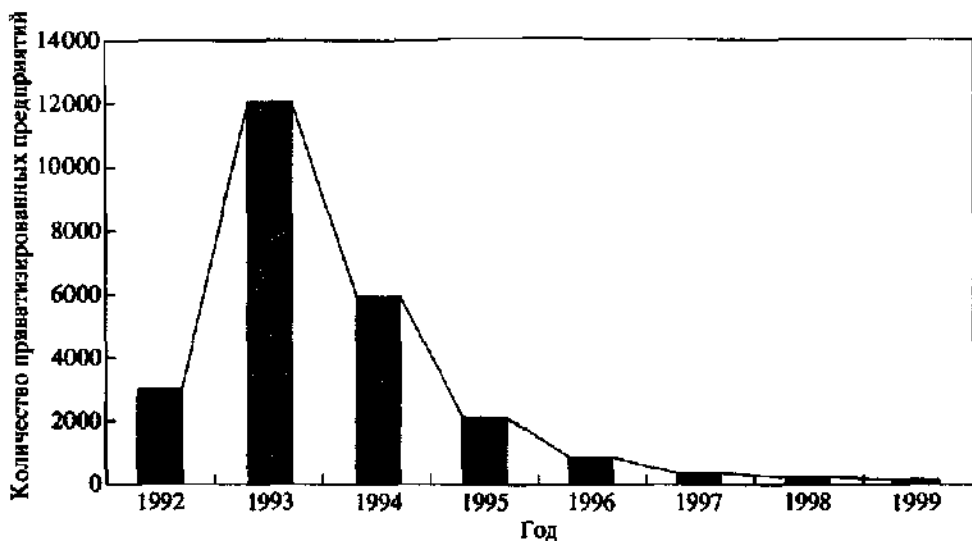

Рис. 1. Динамика процесса приватизации в промышленности России
Составлено по [Промышленность... 2000, с. 73; 19%, с. 33].

Рис. 2. Динамика изменений основных характеристик государственной и муниципальной собственности в промышленности

Составлено по (Российский... 2002, с. 343; Промышленность... 1996, с. 28-29; Промышленность... 2000, с. 49-51; Народное... 1992, с. 68].

теневое предпринимательство, которое существовало в советской России и было отнюдь не равнозначно классическому рыночному хозяйству.

Теневая экономика, существовавшая в СССР, несла на себе черты непроизводительной жажды наживы любой ценой, сложившейся в порых восточного деспотизма. В России не было Реформации в Просвещения, осудивших в Западной Европе позднефеодальное стяжательство и защитивших раннекапиталистическое предпринимательство. При отсутствии институциональных ограничений освобождение предпринимательства от государственных запретов было воспринято как разрешение делать деньги любыми средствами. Неудивительно, что российский бизнес приобрел крими-

нальный и аморальный оттенок. Возник своего рода порочный круг: поскольку "новый русский" олицетворяет в глазах сограждан жулика, то у него отсутствуют нравственные ограничения. Осужденный общественным мнением, он совершает такие поступки, которые соответствуют его образу в глазах обывателей.

Этап 3 - институционализация новой власти-собственности (1996-2002). После хаоса, возникшего в ходе второго этапа, к концу 1990-х годов стало очевидно, что система власти-собственности в конкурентной борьбе с новым институциональным устройством не сдала своих позиций.

Опыт приватизации не может не рассматриваться вне контекста зависимости от предшествующего развития. Приватизация в восточных обществах всегда выступала как временный отход от генеральной линии развития, как подготовка нового витка централизации (в соответствии с "циклом власти-собственности") (см. рис. 3).

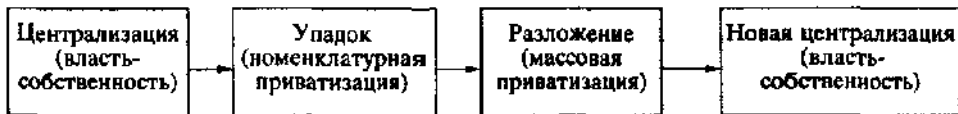

Рис. 3. Приватизация как элемент цикла власти-собственности

О том, что этого нельзя исключать, наглядно свидетельствует состав российской политической и экономической элиты высшего уровня, сложившийся в 1990-е годы. Окружение президента и российское правительство на 3/4 состоят из выходцев из советской номенклатуры. Региональная элита и того больше - на 4/5. И лишь партийное руководство и бизнес-элита - на 60%. Это данные середины 1990-х годов [Крыштановская, 1995], но есть все основания предполагать, что к началу 2002 года состав элиты по своему происхождению не сильно изменился (особенно в регионах)⁴. Для того чтобы понять, насколько возможен (или неизбежен?) новый виток централизации, остановимся сначала на понятии "остаточная государственная собственность".

Остаточная государственная собственность как экономический институт

В результате процесса приватизации возник своеобразный экономический институт - остаточная государственная собственность. Его можно трактовать как с точки зрения права, так и с точки зрения экономики.

Первая трактовка термина "остаточная государственная собственность" (*residual state property*) получила широкую известность благодаря работам В. Андреева [Andreff, 1999, p. 12-13], который включает в нее предприятия, где государство имеет либо "золотую акцию", либо небольшие пакеты акций. Такая трактовка характеризует этот институт лишь как юридический объект, подчеркивая, что в руках государства в настоящее время осталась только небольшая часть экономических ресурсов и государственная собственность потеряла свое "общенародное" содержание.

Однако такая трактовка не в полной мере исчерпывает ее институционально-экономическое содержание. Дело в том, что это явление не ограничивается прямыми остатками государственной собственности, охватывающей ныне около 3% промыш-

⁴ Однако это не означает, что в составе элиты не происходило никаких изменений. Если сравнить высшее руководство при Л. Брежнев, М- Горбачеве и Б. Ельцине, то совершенно очевидно значительное уменьшение технократов (с 88,5% при Брежнев до 36,4% при Ельцине) и удвоение числа лиц, получивших экономическое или юридическое базовое образование (с 11% до 22,7%) [Крыштановская, 1995, с. 63]. Эти сдвиги стали еще более заметны к концу 1990-х годов.

шлейных предприятий, выпускающих около 10% промышленной продукции и дающих работу 13% работников (см. рис. 2). К сожалению, в России оно значительно шире и глубже и включает в себя не только прямые остатки государственной собственности, но и тип хозяйствования, характерный для большинства так называемых частных предприятий, находящихся в руках бывших "красных директоров" или трудовых коллективов, и управляющихся по-прежнему (патерналистски) [Пригожий, 2001, с. 16], хотя окружающая их институциональная среда резко изменилась. Остаточная государственная собственность, как и любой экономический институт, должна быть охарактеризована через формальные и неформальные правила поведения экономических агентов в стандартных экономических ситуациях, через санкции, которые следуют за их неисполнение, правила поведения гарантов [Тамбовцев, 2001, с. 25], а также через количество игроков, использующих указанный институт в процессе хозяйственной деятельности. Последнее особенно важно с точки зрения эволюции института и возможного его замещения другими институтами (возможно, более эффективными) в процессе институциональной конкуренции (метаконкуренции).

Прежде чем раскрыть это институциональное содержание, попытаемся выявить основные особенности остаточной государственной собственности. Исторически сила государственной собственности в условиях командной экономики заключалась в ее всеохватности, в управлении из единого Центра, в обслуживании интересов общества в целом ("общенародная собственность"). Это главное преимущество (если оно и существовало теоретически) было окончательно утеряно в ходе приватизации. "Общественная собственность" превратилась в островки государственной собственности, выступающие как частная по отношению к другим фирмам (включая и другие государственные предприятия). Это означает, во-первых, что государственная собственность обрела частную форму и выступает как частное предприятие, поскольку охватывает не общество в целом, а только его *часть*. Во-вторых, частной она стала еще и потому, что управляется не по единому народнохозяйственному плану, а по воле местного начальника. Остаточная государственная собственность служит на благо не общества в целом, а тем, кто успел ее "приватизировать". Это означает, что она может развиваться и не на пользу государства в целом, а во вред ему.

Третья ее особенность заключается в том, что она не является и настоящей частной собственностью, поскольку аллокация ресурсов была осуществлена по остаточному принципу. Этот остаток не заинтересовал реальных частных собственников, а достался выходцам из бывшей советской номенклатуры. В ней сохраняются пережитки так называемой "общественной собственности" как в характере применяемых ресурсов (включая трудовые), так и в организационно-управленческой структуре. Поэтому под остаточной государственной собственностью в экономическом смысле мы понимаем не только юридические предприятия или пакеты, принадлежащие государству, но и все, сохранившее рудименты традиционной командной экономики. Эти особенности и предопределили формальные и неформальные правила игры, а также характер санкций, которые сложились в постсоветской России.

Тот факт, что в процессе приватизации большая часть государственной собственности перешла не к аутсайдерам, а к инсайдерам (в конечном итоге к прежним директорам предприятий), привел к тому, что эффективного частного собственника так и не возникло. Этим предопределяются и внутренние причины глубокого трансформационного спада при переходе от командной экономики к рыночному хозяйству.

Большинство из таких "инсайдеров" не имеют ни стимулов, ни достаточных знаний для разработки долгосрочных планов развития производства и даже конкретных бизнес-планов по привлечению инвестиций. Сохранение персонифицированного обмена и отсутствие стратегии поиска эффективных партнеров приводят к тому, что для многих предприятий типична адаптация, а не трансформация традиционных форм, приспособление — а не развитие производства, защита — а не наступление. До сих пор нередко неэффективная маркетинговая политика большинства предприятий, стремящихся даже в условиях благоприятной конъюнктуры к продвижению традиционной

продукции на традиционном рынке. Однако даже эта продукция не всегда находит сбыт, и поэтому появляется бартер как форма существования неэффективной экономики. В целом в деятельности предпринимателей краткосрочный аспект преобладает над долгосрочным, а мотив личного обогащения доминирует над целями развития производства.

Денежные связи являются открытыми, бартерные связи - всегда скрыты. В условиях денежного хозяйства трудно скрывать свои доходы, бартерная экономика, наоборот, помогает становлению и развитию "экономики физических лиц" [Клейнер, 1996]. Данный феномен описывает обособление личных интересов от интересов фирм, личного богатства от собственности предприятий. Возникает парадоксальная ситуация, когда многие сделки заключаются в интересах отдельных лиц в ущерб интересам фирм, даже если эти лица - полноправные владельцы данных фирм. Бартерная форма позволяет скрыть истинный характер подобного рода сделок. В России до сих пор сохраняется средневековый принцип отношения к своей фирме как к *должностному владению*, которое в водоворотах переходного периода может быть потеряно раз и навсегда. Поэтому забота о личной собственности оттесняет на задний план заботу о собственном предприятии.

Важную роль в воспроизводстве остаточной государственной собственности играют естественные монополии. Через них государство связано с многочисленными неэффективными предприятиями. Предоставляя руководству естественных монополий (фактически без рентных платежей) привилегию реализации природных ресурсов за рубежом, государство взамен заставляет их снабжать этими ресурсами неэффективные предприятия. Фактически реальной платой выступает именно бесплатная поставка природных ресурсов государственным предприятиям (оплата растянута на неопределенный срок или производится продукцией этих предприятий, которую почти невозможно реализовать на открытом рынке). Полученные предприятиями ресурсы используются для производства ненужной продукции, реализуемой лишь по бартерным цепочкам. Это наглядно доказал кризис 1998 года, когда почти пятикратная девальвация рубля к доллару не решила проблему конкурентоспособности продукции подавляющего большинства отечественных производителей. Дело оказалось не в нехватке денег, а в невостребованности рынком производимой отечественными предприятиями продукции.

В условиях неразвитой банковской системы возникает своеобразная проблема двух дефицитов - дефицита сбережений и дефицита платежного баланса. Дефицит сбережений связан с тем, что уровень сбережений, доступных для промышленности, гораздо меньше, чем объем инвестиций, необходимых для развития производства. Уровень сбережений, мобилизуемых банковской системой, находится на чрезвычайно низкой ступени в силу падения доверия населения к существующим финансовым институтам. Это приводит к тому, что высокая склонность к сбережениям реализуется каждым индивидуально, главным образом в форме накопления иностранной валюты, недвижимости и других неликвидных форм, не аккумулируемых финансовыми учреждениями. В такой ситуации единственным источником накопления становятся иностранные займы, что приводит к платежному дефициту. На поверхности виден лишь процесс ввоза иностранного ссудного капитала в Россию, тогда как глубинные процессы вывоза капитала из страны осуществляются в значительной мере нелегально и не фиксируются официальной статистикой. Возникает порочный круг, своего рода институциональная ловушка: чем больше средств необходимо для покрытия дефицита текущего платежного баланса, тем больше необходимы внешние займы для покрытия платежного дефицита. Однако, чем больше внешние займы, тем большие платежные дефициты нас ожидают в будущем, тем в большую зависимость попадает страна от зарубежного капитала.

Положение ухудшается из-за того, что государство, несмотря на периодически принимаемые программы, на деле не имеет эффективной промышленной политики (« в частности - политики управления своей собственностью), которая поддерживала

бы ростки нового и эффективного, создавала бы благоприятные условия для экономического роста. Наоборот, деятельность современного российского государства заставляет вспомнить эпоху меркантилизма. Оно озабочено главным образом проблемами перераспределения, причем не благоприятствующего развитию производства, а тормозящего его, ибо ресурсы перераспределяются от лучше хозяйствующих предприятий к худшим. За счет первых не только собираются налоги, но и происходит дотирование неэффективных предприятий, которые налоги, как правило, не платят. Все это приводит к сокращению эффективно хозяйствующих производств, подталкивая руководителей предприятий к расширению нелегальной хозяйственной деятельности.

В условиях бартерного хозяйства отсутствуют средства для реализации больших инвестиционных проектов. Поэтому происходит старение основных фондов и увеличивается техническое отставание. Неудивительно, что именно такие процессы наблюдаются в России в настоящее время. Износ основных фондов промышленности превысил в 1997 году 50%. По расчетам А. Алексева, средний возраст оборудования достиг 15,9 лет, и если положение не изменится, то средний фактический срок службы его будет составлять почти 32 года [Трансформация... 2000, с. 100].

Одной из правовых форм сохранения экономического института остаточной государственной собственности являются сегодня государственные унитарные предприятия (ГУПы), основанные на праве хозяйственного ведения. Формальным их собственником по-прежнему остается государство, оно продолжает назначать руководителей. Однако единый организационный и правовой механизм для планирования и контроля хозяйственной деятельности государственных унитарных предприятий практически отсутствует. Если в командной экономике такие механизмы существовали по отраслям в рамках министерств (и некоторые особенно значимые функции дублировались на соответствующих уровнях партийной иерархии), то в постсоветской экономике замены прежнему механизму нет.

Остаточная государственная собственность воспроизводится и в других типичных для советской системы формах - таких как нецелевое использование бюджетных средств, скрытая оплата труда, неоплачиваемые административные отпуска и др. К ним добавились и другие формы, свидетельствующие о доминировании неформальных правил над формальными: задержки заработной платы, неплатежи, торговля налоговыми освобождениями и др. Несмотря на их существование, формальные отношения между экономическими субъектами не разрываются: нет массового увольнения с предприятий, задерживающих заработную плату, сохраняются отношения между предприятиями и в случае неплатежей. Это - своеобразный отношенческий контракт, в котором неформальные отношения превалируют над формальными [Капелюшников, 2001, с. 147].

Назад к частно-государственной (номенклатурной) собственности?

Естественно возникает вопрос: закончились ли номенклатурные игры? Иными словами, закончилась ли "прихватизация" государственной собственности, с одной стороны, и не возникают ли новые проекты возвращения назад к тому периоду, когда номенклатура играла роль верховного распорядителя государственной собственности - с другой. Первую тенденцию отражают программы приватизации, вторую - программы национализации⁵. Остановился сначала на программах национализации, а затем (в следующем разделе) проанализируем программы приватизации 1995, 1998 и 2002 годов.

⁵ В этом разделе мы опираемся на материалы парламентских слушаний и заседаний по проектам национализации в Государственной думе 1997-2002 годов. В поисках и подборе материалов неоценимую помощь оказали депутаты и сотрудники аппарата профильного комитета думы по собственности и комитета по экономической политике и предпринимательству, которым мы выражаем искреннюю признательность за высказанные замечания и комментарии.

Поскольку в России проекты национализации активно обсуждаются начиная с конца 1995 года, небезынотересно ответить на вопрос: какие группы предъявляют спрос на эти проекты, какие силы стоят за ними, какова роль в этом старой и новой бюрократии? С известной долей условности выдвигаемые программы национализации можно разделить на две основные группы: "за" и "против". Первые довольно неоднородны. Они включают широкий спектр идей - от прокоммунистических попыток, зовущих назад к "общенародной собственности", до программ "патриотов", ратующих за укрепление государственной собственности на федеральном или региональном уровне.

Проекты, предложенные партиями КПРФ и ЛДПР, можно условно назвать "реквизиционно-конфискационными". Они оформились в законопроекты уже в 1996-1997 годах. Их социальный пафос состоит в том, чтобы "экспроприировать новых экспроприаторов" и «наказать воров, хапнувших народное добро в период "приватизации"».

В законопроекте КПРФ последовательно реализуются принципы "революционной массовой национализации" по образцу Советской России 1917-1918 годов, предусматривается принятие ежегодных программ национализации в форме реквизиции и конфискации. Объектами "исключительной собственности народа России" объявляются предприятия топливно-энергетического, нефтяного, газового комплексов, транспорта, связи, оборонной промышленности, социально опасные виды производств, историко-культурные ценности, учреждения науки и культуры, учебные заведения, детские учреждения, медицинские и лечебно-профилактические учреждения, объекты инфраструктуры жилищно-коммунального хозяйства. Основаниями для национализации называются предотвращение массовых беспорядков, объявление имущества общенациональным достоянием, монопольное положение данного предприятия на российском рынке, факт приватизации предприятия с нарушениями действующего законодательства или по заведомо заниженным ценам, систематическое нарушение налогового законодательства, а также прав работников, потребителей и т.д. Особая роль отводится трудовому коллективу. Так, по решению общего собрания трудового коллектива национализированное предприятие может быть передано ему в полное хозяйственное ведение с образованием самоуправляемого народного предприятия. Возмещение ущерба собственникам национализированного имущества происходит государственными облигациями с окончательным сроком погашения до 10 лет.

По **проекту ЛДПР** решение о национализации принимается в судебном порядке Верховным судом РФ или судами субъектов РФ по искам прокуратуры, а также депутатами Государственной думы и Законодательных собраний субъектов РФ на основании заявлений граждан или групп граждан. Вопрос о национализации частного имущества ставится в случаях, когда владение, распоряжение и пользование им наносят ущерб государственной, общественной или личной безопасности граждан и/или нарушают их политические права. Основание для национализации - факт нанесения вреда гражданину или группе граждан, вызванный умышленными или непредумышленными виновными деяниями по осуществлению прав собственности и использованием ее в личных или общественных целях. Национализация возможна в двух формах - возмездной и безвозмездной (реквизиция и конфискация).

В законопроектах "центристов" и "правых" (1997-2000 годов) признается возмездный характер национализации, даже неравное положение российского собственника по отношению к зарубежному. Так, национализировать имущество иностранцев предлагается в особом режиме - в соответствии с законодательством РФ об иностранных инвестициях и международными договорами России.

При этом в большинстве из существующих проектов четко проявляется тенденция к усилению с помощью соответствующего дизайна процедур национализации независимости регионов, к укреплению регионального сепаратизма, закреплению *status quo* в распределении собственности между федеральным центром и регионами, обра-

зевавшегося в первые годы правления Ельцина. Так, в проекте независимого депутата А. Пузановского отдельная роль в инициировании процедуры национализации отводится региональным властям и муниципалитетам.

В самой "правой" части спектра - *проект СПС*, разработанный депутатом Г. Томчиным. Близок к нему законопроект, внесенный П. Буничем (*фракция НДР*) - председателем комитета по собственности в Думе 1996-1999 годов. Данный законопроект был взят за основу депутатом И. Грачевым и внесен в последнюю Думу,

В указанных проектах национализация рассматривается как исключительная форма отчуждения имущества в пользу государства, как чрезвычайное воздействие на частную собственность, которое может быть осуществлено только после полного исчерпания всех возможных случаев отчуждения имущества. Здесь больше регламентируются *пределы национализации и запреты на национализацию*, определяя гарантии прав и интересов прежних частных собственников имущества. При этом также учитывается, что национализация - не обычный выкуп, и далеко не всякое имущество может быть национализировано. По сути, это программы "антинационализации". Принципами проведения национализации провозглашаются: *возмездность, гласность процедуры и судебная защита прав собственников*.

Таким образом, вероятность проведения национализации в полном объеме (при существующей структуре законодательной и исполнительной власти с учетом соблюдения всех принципов и многошаговых административных процедур, заложенных в законопроект) в обозримый срок стремится к нулю. Трансакционные издержки, возникающие в ходе сформулированных процедур, запретительно высоки. В любом случае за время подготовительных процедур прежний собственник может вывести с предприятия любые ценные активы.

Анализ показывает, что за исключением предложений "левых" (которые, скорее, созданы по конъюнктурным политическим причинам) во всех остальных проектах признается недопустимость такого основания национализации, как нарушения законодательства в ходе приватизации. В целом это косвенным образом свидетельствует об удовлетворенности основных групп интересов общими результатами массовой приватизации.

Оценивая внесенные проекты, можно заключить, что ни один из них не решает конструктивных задач повышения эффективности использования активов предприятий путем изменения прав собственности. Они либо "консервируют" сложившиеся нерациональные отношения в сфере собственности, делая непоколебимой позицию остаточной государственной собственности, либо в популистских целях призывают к проведению масштабной национализации, итогом которой могут стать лишь хозяйственный хаос и гражданская война.

Итак, хотя законопроект о национализации нынче непопулярен⁶ и многие из них в существующем варианте недавно (в январе 2002 года) отклонены Государственной думой, идеи централизации и усиления государственного вмешательства в экономику набирают силу. Правда, проявляются они больше не в призывах к национализации, а в пересмотре некоторых итогов приватизации. Среди основных направлений перехода частной собственности в руки государства можно выделить *деприватизацию* (частичное восстановление или усиление государственного контроля над уже приватизированными предприятиями) и *реприватизацию* (повторную приватизацию предприятий, в которых предыдущие собственники не выполнили инвестиционные условия и программы).

Как показывает практика, наиболее интенсивно рассматриваемые механизмы используются в рамках реструктуризации предприятий с государственным участием. К основным инструментам, на основании которых такие действия могут быть произ-

⁶ Как показал социологический опрос фонда "Общественное мнение", проведенный 3-4 октября 1998 года, идея массовой национализации не пользуется прочной поддержкой большинства россиян [Опрос... 1998].

ведены, относятся: прямая конвертация задолженности перед бюджетом в акции предприятия; реструктуризация бюджетной задолженности с использованием залоговых схем; приобретение акций предприятий на фондовом рынке; переоценка и учет государственной собственности (материальных, прежде всего земля, и нематериальных - объекты интеллектуальной собственности - активов), внесенной в уставной капитал предприятий; признание недействительными сделок приватизации на основании невыполнения инвестиционных условий; прямой обмен акций на инвестиции [Совершенствование...2000].

Особую роль с 1998 года играет институт банкротства. Его нормативные функции - защита прав кредиторов и вывод с рынка неэффективных предприятий. По данным Госкомстата РФ, в среднем 45% просроченной задолженности промышленных предприятий приходится на налоговые платежи и обязательные платежи во внебюджетные фонды. Данное обстоятельство делает чиновников (особенно в регионах) фактическими обладателями важных правомочий собственности. Что касается второй функции, то в настоящее время институт несостоятельности свою миссию не выполняет. Банкротство в России используется как один из основных инструментов передела собственности и в этой связи чаще применяется в отношении потенциально прибыльного бизнеса.

Итак, возможность значительного усиления государства как собственника витает в воздухе. Во всяком случае, в качестве возможного сценария развития его не исключают экономисты, придерживающиеся разных взглядов [Куликов, 1998; Радыгин, Сидоров, 2000]. Однако в каком направлении оно пойдет и к каким последствиям приведет? Исходя из предшествующего изложения, представляется, что критерии и результаты того или иного варианта могут и должны быть скорректированы. Все зависит от того, какие отношения из фактически существующих будет решено закрепить в праве.

Эмпирическое исследование законотворческого процесса в России с середины 1990-х показало, что в процессе разработки и принятия законодательства о собственности больше политического торга за *перераспределительные преимущества* для сторон, участвующих в процессе, нежели стремления повысить экономическую эффективность. Спрос новой бюрократии на национализацию можно проиллюстрировать с помощью модели Финдли-Уилсона [Findley, Wilson, 1984; Эггертссон, 2001], которая базируется на теории государства, разработанной Д. Нортон [North, 1981]. В соответствии с ней, главная экономическая функция государства в любой его форме - это оказание услуг по спецификации и защите прав собственности P(G). В ситуации, когда государство по тем или иным причинам выходит из-под контроля общества, бюрократия становится самостоятельной и влиятельной силой на политическом рынке и стремится получить выгоды. Это возможно путем либо увеличения расходов общества на ее содержание, либо максимизации функции ее дохода, которая состоит из двух слагаемых. Во-первых, это собираемые налоги по ставке t_0 (или их часть) как доля валового внутреннего продукта Y(G). Во-вторых, отчисления от прибыли государственных предприятий I(SOE).

В таком случае чиновники могут стремиться повысить свою власть и престиж *о краткосрочном периоде* путем увеличения объема предоставляемых услуг (например, государственные агентства по национализации в проекте КПРФ или участие депутатов в процедуре оценки имущества в проекте Пузановского и др.). Добиваясь реализации программ широкомасштабной национализации, бюрократия стремится к перепроизводству "общественного порядка" P(G), обосновывая необходимость государственного регулирования любыми причинами. Под реализацию программ национализации создаются "новые рабочие места", а занятость в государственном секторе увеличивается выше оптимального уровня $c_{\text{Гонт}}$ до O_6 (см. рис. 4). Рост структур, занимающихся национализацией, продолжается, пока все налоговые поступления не исчерпаются на зарплату государственных служащих (это состояние достигается в точке G_6).

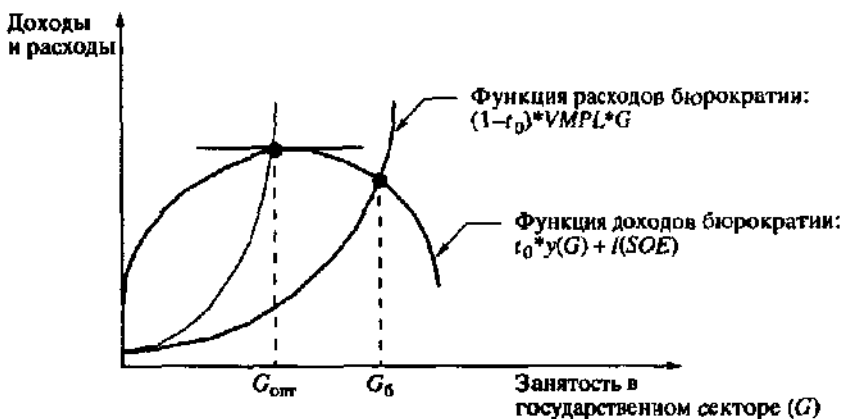

Рис. 4. Национализация как стремление бюрократии к неподконтрольному увеличению занятости в госсекторе

В долгосрочном периоде главным фактором национализации для новой бюрократии становится стремление обеспечить стабильный источник дохода. Так, в сложившейся политической системе бюрократия не контролирует ставку налогообложения. В России это право принадлежит парламенту и находится под пристальным вниманием лоббирующей свои права бизнес-элиты. Кроме того, затруднен сбор даже установленных налогов. Это означает, что единственным источником доходов, которым чиновники могут беспрепятственно распоряжаться, является доход от казенных предприятий $I(SOE)$, производящих обычные частные блага. Таким образом, выступая за национализацию в долгосрочном периоде, бюрократия приобретает контроль над стабильным потоком доходов от государственных предприятий (в этом случае исчезает фактор риска, связанный с провалом финансирования деятельности чиновников в связи с неуплатой налогов). В итоге оптимальный уровень производства ниже, чем при существовании частных предприятий. Следовательно, вполне обоснованным представляется тезис о том, что одним из факторов наметившихся в обществе тенденций к национализации являются интересы новой бюрократии, объективно препятствующей развитию настоящей частной собственности.

Вперед к частной собственности?

Для того чтобы осуществить переход к подлинной частной собственности, надо наполнить возникшую частную форму частным содержанием. А для этого имеет смысл попытаться ответить на вопрос, при каких институциональных условиях это возможно? Анализ этих институциональных условий в последнее время все чаще и чаще становится предметом специальных исследований [Nellis, 1999; Olson, 2000; Williamson, 2001].

Частная собственность обладает целым набором положительных эффектов, в числе которых фиксация экономического потенциала активов, интеграция разрозненной информации, развитие ответственности собственников, повышение ликвидности активов, развитие общественных связей и паспортизация сделок (подробнее см. [де Сото, 2001, с. 53–67]). К тому же экономическая свобода – фундамент и составная часть свобод гражданского общества. Она выступает, прежде всего, как необходимое средство достижения политической свободы; в свою очередь, политическая свобода есть гарант экономической свободы.

Под системой собственности неинституционалисты обычно понимают все множество формальных правил и неформальных ограничений, регулирующих доступ

Рис. 5. Собственность как институциональная система

к редким ресурсам, экономических агентов, которые являются субъектами прав собственности [Alchian, 1965; Кузьминов, Юдкевич, 2000]. Кроме того, в систему целесообразно включить экономических агентов, устанавливающих эти права, а также гарантов, обеспечивающих выполнение указанных норм (см. рис. 5)⁷.

Исходя из принятого в теории прав собственности понимания собственности, необходима корреляция между зоной прав и зоной ответственности для каждого субъекта собственности. Принцип при этом такой: оптимальное распределение прав собственности предполагает ситуацию, когда принятие на себя риска происходит в соответствии с принадлежащими правами (кластерами отдельных правомочий) и степенью (не) склонности к риску. Значит ли это, что вся возникающая частная собственность - остаточная государственная собственность? Конечно, нет. Наряду с псевдочастной уже возникает настоящая частная собственность. Тенденция к сокращению бартера, например, свидетельствует об уменьшении доли и влияния остаточной государственной собственности.

К иным последствиям приводит в настоящее время продолжающийся процесс приватизации государственной собственности, который приобретает все более "эксклюзивный" характер. Аппетиты новоявленной буржуазии по-прежнему не удовлетворены. Однако вкус ее становится все более тонким и изысканным. Она стремится приобрести ныне не любые, а наиболее прибыльные и эффективные куски государственной собственности. Во всяком случае, уже более подготовленные для ведения прибыльного бизнеса. И в этом смысле интересы государственной бюрократии и вла-

⁷ Важнейшим элементом системы собственности является ее гарант - тот общественный феномен, который обеспечивает фиксацию и признание (защиту) изменений в распределении прав собственности, сложившейся после обмена правами собственности. Гарантами могут выступать: один из субъектов обмена; оба субъекта; третий субъект; норма, обычай (моральная установка, религиозная заповедь и т.п.); государство (закон и "силовые" государственные организации, обеспечивающие выполнение закона). Наша социально-экономическая трактовка понятия "системы собственности" в некотором смысле близка к понятию "хозяйственного устройства экономической системы", предложенному В. Тамбовцевым [Тамбовцев, 1994].

дельцев частного капитала совпадают: они объективно создают предпосылки для движения вперед к частной собственности.

Сравнение постановлений Правительства РФ от 1995 и 1998 года о предприятиях, запрещенных к приватизации, показывает, что изменение отражает стремление чиновников получить в частные руки наиболее лакомые объекты государственной собственности (нефтяная, топливная, химическая и нефтехимическая, авиационная, атомная и т.д.), причем только на такой стадии, когда для этого созданы необходимые условия. В 2002 году нас ждет новая волна приватизации и, несомненно, лучшие куски государственной собственности достанутся крупнейшим интегрированным бизнес-группам (ИБГ), которые сегодня приобретают все большее и большее значение в движении вперед к частной собственности [Паппэ, 2000]. Это своеобразный аналог американских трестов начала XX века. В условиях высокой неопределенности и отсутствия доверия между предприятиями складываются своеобразные финансово-экономические комплексы, включающие в себя промышленные предприятия, коммерческие банки, страховые компании и другие дочерние структуры, значительно снижающие транзакционные издержки ведения бизнеса. В 2000 году в 8 крупнейших из них⁸ было занято 2% общей численности занятых в российской экономике, при этом они производили почти 1/4 ВВП, а их продукция составляла 1/4 российского экспорта [Дынкин, Соколов, 2002, с. 90]. Большинство ИБГ выросло из энергетических и сырьевых компаний и (благодаря природной ренте) в настоящее время обладают значительными финансовыми средствами, позволяющими им наращивать экономический потенциал. С 1996 по 2000 год их капиталовложения в собственные инвестиционные проекты удваиваются почти ежегодно, и они становятся одними из главных инвесторов российской экономики.

Важно подчеркнуть, что деятельность ИБГ осуществляется в значительном числе российских регионов. Так, если в 1993 году "ЛУКОЙЛ" оперировал в 5 регионах, то в 2000 году уже в 21, "Интеррос", соответственно, в 1 и 23, "Альфа-групп" — в 2 и 37 регионах. Крупнейшие ИБГ в настоящее время уже являются политическими и экономическими конкурентами региональной элиты. Они объективно заинтересованы в унификации законодательной среды и создании единого экономического пространства на территории РФ. Уже сейчас некоторые из них осуществляют реструктуризацию остаточной государственной собственности. Скупая предприятия, они оптимизируют их организационную структуру и финансы с целью повышения рыночной стоимости активов и реализуют непрофильные (с их точки зрения) подразделения.

В развивающейся экономике резко возрастают альтернативные издержки ведения бизнеса, опирающегося на неформальные отношения. В условиях экономического роста неопределенность внешней среды, необязательность партнеров, отсутствие доверия, нарушение контрактов обходятся все дороже. Однако «спонтанный сдвиг "снизу" в пользу большей формализации и "прозрачности" способов экономического взаимодействия, - отмечает Р. Капелюшников, - может обеспечить долгосрочный эффект, только если он будет поддержан "сверху" - законодательно, организационно и политически» [Капелюшников, 2001, с. 154].

Возможность такой поддержки сверху появилась с приходом к власти новой администрации. "Путинский проект", как известно, включает целую систему мер: (1) политическое и экономическое ослабление элитных групп заинтересованных в сохранении прежнего порядка... (2) унификация законодательного пространства, устранение противоречия между нормами и процедурами, действующими... на разных уровнях правовой административной системы; (3) сокращение числа и упрощение содержания формальных ограничений, а также издержек, связанных с их соблюдением; (4) ужесточение санкций за нарушение законов и контрактных установлений"

⁸ Это "ЛУКОЙЛ", "ЮКОС", "Интеррос", "Сургутнефтегаз", "Альфа групп" - "Ренова", "Сибирский алюминий" - "Сибнефть". "Северсталь" и АФК "Система".

[Капелюшников, 2001, с. 155]. Сложность, однако, заключается в том, что претворять в жизнь эту программу придется государственному аппарату, в котором еще живы методы и технологии советской номенклатуры. Поэтому есть опасность, что радикальные изменения могут превратиться в персональные подвиги и в усложнение бюрократической процедуры контроля, которая позволит извлекать политическую ренту.

Это означает, что в долгосрочном плане необходим переход от модели "политической модернизации" институциональной среды, предполагающей активное предположение институтов со стороны правительства, к модели "рыночной модернизации", ориентирующейся на спрос на институты со стороны самих участников рынка [Cadwell, Polishchuk, 2001]. При этом конкретные меры по развитию частной собственности и реализуемая в связи с этим политика в сфере приватизации и возможной деприватизации, по нашему мнению, должны основываться на двух общих принципах: во-первых, на комплексном подходе к реформе законодательства о собственности, во-вторых, на создании системы стимулов для всех фактических обладателей отдельных правомочий собственности.

Для реализации комплексного подхода к реформе законодательства требуется более тесная координация в выработке согласованной политики между всеми заинтересованными экономическими ведомствами. Эта координация предполагает согласованное внесение изменений в законы, затрагивающие вопросы корпоративного управления, банкротства, реструктуризации и управления государственными предприятиями, управления пакетами акций, принадлежащих государству в смешанных предприятиях и т.д.

Создание системы экономических стимулов исходит из того, что одних способов принуждения (инфорсмент) и прочих репрессивных мер недостаточно. Реформа системы собственности будет вести к выходу промышленности из состояния депрессии и стимулировать экономический рост, если позволит каждому агенту реализовывать свой экономический интерес, если у него будет положительный (а не только отрицательный) стимул к деятельности. Должны применяться меры, направленные на стимулирование развития фондового рынка и снижение рисков операций с ценными бумагами, - с особым акцентом на инструменты, обеспечивающие возможность постепенного перехода от закрытых форм организации бизнеса к открытым (публичным). Одним из таких инструментов являются корпоративные облигации, рынок которых, как отмечал А. Яковлев в апреле 2002 года на конференции в ГУ-ВШЭ, достаточно динамично развивается в последние 2 года, - правда, скорее вопреки, нежели благодаря политике правительства.

Кроме того, для разрушения института остаточной государственной собственности в России сегодня необходимо:

- радикально реформировать государство. Перейти от государства "производящего" к государству "защищающему";

- реорганизовать государственные унитарные предприятия, основанные на праве хозяйственного ведения (как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровнях), либо в казенные предприятия или учреждения, либо в акционерные общества (с возможностью дальнейшей приватизации). Резко ужесточить контроль за финансово-хозяйственной деятельностью государственных предприятий;

- направить значительные средства на развитие судебной системы и увеличить ее независимость от исполнительной власти. Это подразумевает: а) увеличение числа судей и судов (тогда у предпринимателей отпадет необходимость обращаться за разрешением хозяйственных и административных споров к тем же чиновникам, тем самым уменьшая их власть); б) рост выпуска литературы с толкованиями законов и описанием правоприменительной практики, чтобы к этой информации имел доступ любой желающий; в) ужесточение санкций за административные правонарушения чиновников;

- стимулировать развитие малого и среднего бизнеса как носителя идеологии свободной индивидуализированной частной собственности;
- с помощью СМИ формировать у населения положительный образ бизнесмена, успешно ведущего свое дело;
- для выработки экономической политики активно использовать методологию институционального проектирования с учетом предпочтений предпринимателей, менеджеров, собственников и всех иных заинтересованных сторон. При этом обращать особое внимание на наличие бюрократии как сильной группы интересов на политическом рынке.

Только такая активная программа позволит сделать новый шаг вперед на сложном пути формирования настоящей частной собственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гайдар Е.Т.* Государство и эволюция. М., 1995.
- де Сото Э.* Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М, 2001.
- Дынкин А., Соколов А.* Интегрированные бизнес-группы в российской экономике // Вопросы экономики. 2002. № 4.
- Капелюшников Р.И.* "Где начало того конца?.." (к вопросу об окончании переходного периода в России) // Вопросы экономики. 2001, № 1.
- Клейнер Г.* Современная экономика России как "экономика физических лиц" // Вопросы экономики. 1996. № 4.
- Короонский С.Г.* Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М., 2000.
- Крыштановская О.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1.
- Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М.* Институциональная экономика. Ч. 2. М., 2000 // http://www.hse.ru/rector_/net.
- Куликов В.* Российская приватизация в шестилетней ретроспективе // Российский экономический журнал. 1998. № 1.
- Львов Д.С.* Система национального дивиденда - планетарная модель XXI века // Экономическая наука современной России. 2001. № 3.
- Найшуль В.* Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясины. М., 1991.
- Народное хозяйство Российской Федерации 1992. Статистический ежегодник. М., 1993.
- Нуреев Р.М.* Азиатский способ производства и социализм // Вопросы экономики. 1990. № 3.
- Нуреев Р.М.* Азиатский способ производства как экономическая система // Феномен восточного деспотизма: структура управления я власти. М., 1993.
- Олейник А.Н.* "Бизнес по понятиям": об институциональной модели российского капитализма // Вопросы экономики. 2002. № 5.
- Опрос "Национализация - на повестке дня?" / Фонд "Общественное мнение", октябрь 1998 / <http://classic.fom.ru/obzor/0411.htm>.
- Папэ Я.Ш.* "Олигархи": Экономическая хроника, 1992-2000. М., 2000.
- Приватизация по-русски. М., 1999.
- Пригожий А.Л.* Цели организаций, стереотипы и проблемы // Общественные науки и современность. 2001. № 2.
- Промышленность России. М., 1996.
- Промышленность России. М., 2000.
- Радаев В.В.* Формирование новых российских рынков: трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М., 1998.
- Радыгин А.Д.* Реформа собственности в России: на пути из прошлого к будущему. М., 1994.
- Радыгин А., Сидоров И.* Российская корпоративная экономика: сто лет одиночества? // Вопросы экономики. 2000, № 5.
- Российский статистический ежегодник за 2001 год. М., 2002.
- Совершенствование управления государственной собственностью в условиях рыночной экономики. Заключительный отчет. М., 2000.
- Тамбовцев В.Л.* Институциональный рынок как механизм институциональных изменений // Общественные науки и современность. 2001. № 5.

- Тамбовцев В.Л.* К типологии экономических систем // Экономика и математические методы 1994 Вып.2
- Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микроэкономический анализ) М., 2000
- Четкое М.А.* "Вечно живая" номенклатура⁹ // Мировая экономика и международные отношения 1995 №6
- Шкредов В. П.* Метод исследования собственности в "Капитале" К Маркса М., 1973
- Эггертсон Т.* Экономическое поведение и институты М , 2001
- Экономические субъекты в постсоветской России (институциональный анализ) М., 2001
- Alchian A.* Some Economics of Property Rights // Politico 30 1965 №4
- Andreff W.* The Current State of Economics of Privatization: Lessons from Transitional Economies // The Current State of Economic Science Spellbound, 1999
- Cadwell C., Poltshchuk L.* Evolving Demand for Institutions in Russian Economy Implications for Economic Reform Paper presented at the Conference "Modernization of Russian Economy" Moscow, 2001, April
- Findley R., Wilson J.* The Political Economy of the Leviathan // Seminar Paper. Stockholm, 1984 №285.
- Nellis J.* Time to Rethink Privatization in Transition Economies? // International Finance Corporation Discussion Papers 1999. № 38.
- North D.* Structure and Change in Economic History New York, 1981
- Nureev R., Runov A.* Russia: Whether Depnvatization is Inevitable⁷ (Pover-Property Phenomenon as a Path Dependency Problem) // Proceedings from the Fifth Annual ISNIE Conference Tuebingen, 2001 September.
- Olson M.* Why is Economic Performance even Worse after Communism is Abandoned // Virginia Political Economy Lecture Series Fairfax, 1993,17 March
- Olson M.* Power and Prosperity Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships New York, 2000
- Williamson O.* Economic Institutions and Development A View from the Bottom // A Not-So-Dismal Science. New York, 2000